

Замочная скважина заржавела, ключ в ней не поворачивается. Мужчине возле меня приходится на него надавить, потом вытащить и попробовать снова. Здесь тоже страшная жара. Не так жарко, как в городе или на равнине, но температура все же под тридцать градусов. Мужчина вздыхает, на мгновение задумывается, потом легонько толкает дверь плечом, поворачивая ключ. Раздается щелчок, тяжелая деревянная створка с облупившейся краской поддается и уходит внутрь, в темноту и прохладу.

Дом не открывали, наверное, несколько месяцев. В нем слегка пахнет затхлым, но прохлада сглаживает неприятное впечатление. По ощущению, внутри градуса двадцать два, не больше. Вот и хорошо. Я слышу, как мужчина ставит на пол свой портфель из искусственной кожи. Звякают ключи. Он убирает их в карман штанов.

— Выключатель ищу, — поясняет он.

Я смирно жду в темной прихожей. Ничего другого мне не остается. Ожидание стало моей второй натурой

с вечера 21 июня. Моим единственным занятием. Он пытит. От жары? Или ему трудно искать ощупью? Я ему не помогаю. Мне это и в голову не приходит. Я жду.

В доме с толстыми стенами время течет неопределенно. Я отмечаю отсутствие соседей и тишину. Это тоже хорошо.

— Вот он. Извините.

Внезапно загорается свет. Агент по недвижимости утирает лоб, виновато улыбается. Он уверен, что я сейчас отсюда сбегу. Лампочка светит тускло, воздух в доме спертый, дверь открывается с трудом — наверное, дерево разбухло... Но я не убегаю. Я разглядываю сумрачный коридор без окон, в котором оказалась. Красно-коричневая плитка. Белые стены. Плинтусы из темного дерева. Картина с изображением каменной церкви.

Он шуршит бумагой. Вытаскивает свои записи, перечитывает их. Никак не найдет. Снова утирает взмокший лоб. Я не двигаюсь. Ни о чем не спрашиваю. Он сам скажет. Или нет. Неважно.

— Дом тысяча девятьсот сорокового года. Фасад десять лет назад заново оштукатурили. Крышу перекрывали в прошлом году.

Мне кажется, он доволен. Наверное, это ударный аргумент. Невидящим взглядом я уставилась на картину с церковью.

— Площадь шестьдесят квадратных метров. Дверь справа от вас ведет в спальню, слева — в ванную.

Он вытягивает руку, пристально смотрит на меня. Через несколько секунд до меня доходит, что он предлагает мне сдвинуться с места, пройти несколько шагов и толкнуть правую дверь. Я медленно соображаю. В конце концов он, снова виновато улыбнувшись, шагает вперед.

Эта дверь открывается легче. Слегка скрипит. Его шаги удаляются, делаются тише. Я догадываюсь, что там ковровое покрытие.

— Сейчас открою ставни.

Я жду. Слышу, как он поворачивает ручку. Негромкий скрип. Узкая полоска света. Он нажимает сильнее, и на этот раз скрип отчетливый. Еще секунда, и в комнату врывается солнечный луч. В нем беспечно пляшут пылинки. Я вижу, что на полу и в самом деле ковровое покрытие, того же красно-коричневого цвета, что и плитка в коридоре. Вижу кровать. Она большая, с массивным изголовьем из темного дерева. Старомодный шкаф, высокий, деревянный, некрашенный. Больше ничего. Только необходимое. Меня это устраивает. Я ни о чем не прошу. Кроме тишины и прохлады и чтобы поменьше солнца.

— Окно выходит на восток. Если вы ранняя пташка, сможете видеть, как солнце встает над лесом.

Он же не знает, что я не собираюсь открывать ставни. Останусь в темноте.

— У вас есть вопросы?

— Нет.

Удивлен ли он этим? Я не всматриваюсь в его лицо. Просто жду, пока он закончит, чтобы получить ключи и запереться.

Мы снова выходим в коридор. На этот раз — левая дверь. Все повторяется. Скрипят ставни, впуская свет. Старомодная ванна ужасного лососевого цвета. Биде. Кто-то еще им пользуется? Раковина. Несколько полотеч.

— Надо подождать какое-то время, пока вода стечет. Ее давно отключили. Думаю, поначалу она будет желтоватая.

Желтая вода. Прозрачная вода. В общем, вода.

Когда мы снова выходим в коридор, свет мигает. Надо поменять лампочку. Он толкает последнюю дверь, покашливает. Наверное, там полно пыли. После щелчка выключателя проходит несколько секунд до появления тусклого света. Кухня в том же стиле, что и все остальное: темная плитка, темная деревянная мебель, розовато-оранжевые обои с белым растительным узором. Открывается окно, потом ставни, впуская воздух посвежее. Я щурюсь от яркого света. Невыносимое солнце. Синее небо оскорбительно. Он начинает говорить, и я отворачиваюсь от окна. Хочу вернуться в темноту и прохладу.

— Как вы можете видеть, у прежней владелицы был сад. Он заброшен, но, если у вас будет такое желание, можно вскопать землю и восстановить его.

Он умолкает. Кажется, глядит на меня.

— Вы не смотрите? Мадам, вам нехорошо? Вы боитесь света?

— Мигрень.

— Извините. Сейчас закрою.

Я признательна ему за это. Он продолжает, убежденный, что делает все необходимое для того, чтобы подписать договор сегодня же.

— Прежде дом принадлежал старой даме. Она скончалась три года назад. С тех пор в доме никто не живет... Не то чтобы он был в плохом состоянии, напротив, дочь этой дамы очень о нем заботится, она живет на другом конце Франции, но раз в год приезжает и что-нибудь приводит в порядок. Вот, например, в прошлом году перекрыла крышу...

Я уже почти не слушаю, но он этого не замечает.

— Нет, проблема в том, что люди не хотят жить в сельской местности. Так повсюду. Овернь теперь мало кого привлекает.

— Мебель останется?

Он кивает, не слишком обижаясь на то, что его прервали.

— Конечно. Все останется. Дочь мадам Юг, прежней владелицы, захотела сохранить интерьер и личные вещи. Возможно, намеревается когда-нибудь здесь поселиться... Например, когда выйдет на пенсию. Вещи наверху, на чердаке. Все убрано в коробки, но, если они вам помешают, я могу с ней связаться...

— Они мне не помешают.

Он с довольным видом потирает руки.

— Может быть, хотите еще раз пройти по дому, все осмотреть?

— Нет. Мне достаточно.

— Может быть, сад...

— Я спешу.

— А...

— Мы могли бы подписать бумаги сейчас?

Я вижу, что он опешил. Не ждал такой легкой победы. Он три года не мог сбыть с рук этот дом. Единственный показ — и готово дело.

— Вы уверены?

Он сам не ожидал, что спросит об этом, по лицу видно.

— Да.

— Что ж, в таком случае... Да, бумаги у меня в машине, но... мне потребуются подтверждающие документы.

Не дожидаясь, пока он договорит, я лезу в сумку. У меня все готово, все аккуратно разложено, каждый документ в отдельном файлике. Налоговое уведомление, последние справки о зарплате, бумага от нотариуса насчет завещания и причитающейся мне суммы, мое удостоверение личности.

— О, у вас все с собой? Отлично!

Мы устраиваемся за кухонным столом, чтобы заполнить арендный договор и заняться прочими формальностями.

— Вы разожгли мое любопытство.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать, что агент обращается ко мне, и увидеть, что он разобрался с бумагами и теперь разглядывает меня, сложив руки на столе.

— Простите?

— Вы местная?

— Нет. Я раньше жила в пригороде Лиона.

— И у вас здесь нет родственников?

Качаю головой. Он причмокивает в знак удивления.

— Странная мысль для женщины поселиться одной в таком уединенном месте.

Ответа он от меня не дожидается, и разговор наш на этом заканчивается. Я возвращаю ему два экземпляра подписанного договора и синюю шариковую ручку.

— Хорошо, тогда можем перейти к акту о состоянии имущества.

Я закрываю тяжелую дверь только после того, как машина агента, доехав до конца дороги, исчезает среди густо поросших лесом холмов. Темнота, тишина, прохлада. Долго стою, прислонившись к этой деревянной двери, хочу убедиться, что он не вернется, что я наконец одна.

Я взяла с собой немного вещей. Всего один чемодан, он лежит в багажнике моей машины и может подождать. Все остальное я бросила там, особенно фотографии. Не хочу ничего, что будет напоминать о моей прежней жизни. До 21 июня, до того вечера.

Как людям это удастся? Как они могут продолжать жить точно так же, когда их мир рухнул? Через несколько дней вернуться на работу и дальше жить в той же квартире, ходить по тем же улицам... Это выше моих сил. Они оба внезапно покинули мой мир, в одну ночь, и с этого момента тот мир, в котором я двигалась, дышала, просыпалась двадцать девять лет, перестал существовать.

Ключи от квартиры я оставила Анне. Пусть поступает с ней как ей кажется правильным. Я ничего оттуда не выбрасывала. У меня не было ни времени, ни сил. Я хотела как можно скорее уйти. Все осталось как было. Наверное, травяной чай, который я пила, когда позвонили в домофон, так и стоит на кухонном столе. Наверное, каталог, который я тогда листала, так и лежит открытый рядом с чашкой, и тапки Бенжамена ждут в прихожей.

Все, чего я хотела, выйдя из больницы, это бежать от лета, от палящего солнца и веселой толпы на берегах Роны. Лучше бы они умерли зимой, ненастным вечером с проливным дождем и серо-черным небом. А не под звуки оркестров, треск петард и смех, не в первый день лета.

Я открыла дверь только после захода солнца. Несколько раз проверяла, выглядывая в щелочку между закрытыми ставнями. Дни сейчас длинные, уже поздно, наверное, около десяти вечера. Последние красные отсветы заходящего солнца меркнут и растворяются в серо-голубом

вечернем небе. Я разгружаю багажник. Мой чемодан на колесиках с глухим стуком падает на гравий. Мне кажется, что каждый мой шаг отдается очень громко. Я впервые слышу такую плотную, весомую тишину. Такое впечатление, что лес полностью меня поглотил.

Ставлю чемодан у двери спальни, возвращаюсь к машине. Там еще осталась большая пластиковая сумка, она куда тяжелее чемодана. Спасительная сумка. Полсотни банок с консервами, рис, макароны и всевозможные хлопья. Я не скоро выйду из дома.

Хорошо бы поспать. Кажется, я устала, но от бессонницы мои биологические часы настолько разладились, что и насчет этого мне трудно что-либо утверждать. Я немного зябну. Поеживаюсь. Накидываю на плечи плед и решаюсь вытащить из сумки мобильник. Два сообщения от мамы. Письмо от нотариуса насчет завещания. Пропущенный звонок Анны. Проверяю, есть ли связь, — есть, и не такая уж плохая, — и решаюсь перезвонить. Больше ничьих голосов я слышать не могу, только Анны. Потому что она — его мать. Потому что у нас с ней общее горе.

Я опасаясь, что она не возьмет трубку, для нее, наверное, уже поздно, но она отвечает после второго сигнала.

— Аманда, я ждала твоего звонка.

— Я разбирала вещи.

Я вру. Она об этом догадывается, но не обижается.

— Ты приехала еще засветло?

— Да.

— И как тебе дом?

— Я останусь здесь. Я подписала бумаги.

Она и на этот раз не высказывает никаких замечаний насчет безрассудного решения, которое я приняла всего несколько дней назад. Моя собственная мать не постеснялась бы. А она просто спрашивает:

— Тебе там хорошо?

Нет, мне не хорошо. Мне нигде не хорошо. Но здесь, может быть, не так плохо, как в других местах, и потому я говорю: «Да». А потом спрашиваю:

— Ты заходила в квартиру?

— Нет еще.

Я догадываюсь, что она так же, как я, боится туда войти, и мне это понятно. Слишком мало времени прошло.

— Мы ходим туда с Ришаром.

— Так лучше.

Долгая пауза. Я не знаю, что еще сказать, она тоже. Наконец она спрашивает:

— Хочешь, я там сделаю уборку, наведу порядок к твоему возвращению?

— Незачем.

— Ты серьезно?

— Не думаю, что я туда вернусь.

Слышу, как она сглатывает.

— Хочешь, я сдам ее? На время?

Она все еще уверена, что рано или поздно я вернусь в наш дом. А я знаю, что больше никогда не смогу там жить.

— Тогда ты не будешь терять деньги каждый месяц... Ты же теперь платишь и за жилье в Оверни.

— Да, ты права... Можно и так.

Я полагаюсь на Анну. Несмотря на горе, она способна ясно мыслить и трезво рассуждать.

— Могу заняться этим на днях.

— Хорошо.

— Ришар в среду пойдет к нотариусу. Тебе не придется никуда ехать.

— Спасибо.

Я сдерживаю то, что вот-вот готово прорваться. Они такие заботливые. Я не хочу прямо сейчас расплакаться.

— Если тебе станет тоскливо и одиноко...

— Я знаю, Анна.

— Позвони нам.

— Непременно.

— Не уходи в это с головой.

Я не знаю, что ответить. Она беспокоится и предостерегает меня. Сглотив, отвечаю единственное, на что меня хватает:

— Я, наверное, попробую немного поспать.

— И правильно, отдыхай. Мы скоро опять созвонимся, да?

— Конечно.

Я проспала пару часов, с полуночи до двух, а потом опять сна ни в одном глазу. Мой мозг не поддается, отказывается на несколько часов отключиться и дать

мне необходимый отдых. И вот так уже восемнадцать дней.

Брожу по дому. Расставляю банки с консервами в шкафчиках, это занятие не дает слишком задумываться. Замечаю в гостиной старый календарь. Никто не снял его со стены после смерти мадам Юг, даже ее дочь. Там какие-то записи. Снимаю календарь. Мне здесь не требуются напоминания о том, что время течет. Уже не надо. И потому я придвигаю стул к противоположной стене, к старым часам с нарисованным на циферблате букетом розовых цветов. Часы показывают половину третьего ночи. Хозяйка скончалась, а батарейки живы. Стрелки продолжают медленно вращаться, они чуть ли не дразнят меня, показывая, что время продолжает идти, что жизнь не прекратилась. Это неправда. Жизнь прекратилась. Я снимаю часы со стены и бросаю на пол. Я не хотела их сломать, не хотела быть грубой, но циферблат разбивается на куски, стрелки гнутся. Одна из них отлетает под шкаф, туда, откуда ее уже никто не достанет. Нет больше часов и минут. И дат. Теперь есть только *скоро* и *позже*. Нет больше дней, и ночей тоже. Только я в этом безмолвном доме и мое горе.

Три солнца сменились с тех пор, как я внесла в дом чемодан и сумку и закрыла дверь. Я смотрю на них сквозь ставни, на эти солнца, озаряющие жизнь снаружи. Между деревянными планками есть узкие щелочки, только-только чтобы подглядывать за летом. Я ни разу

не выходила за порог, даже ночью. Не чувствую потребности. Я спала, кажется, раз или два. Несколько часов. Меня не мучили кошмары — уже хорошо. Думаю, мой мозг слишком устал для того, чтобы снова показывать мне изуродованное тело Бенжамена.

На небе четвертое солнце, в дверь стучат, и я сначала пугаюсь. Полный идиотизм. Я заперлась здесь, я в безопасности. Но я боюсь. Боюсь открывать? Боюсь яркого света? Боюсь оказаться с кем-то лицом к лицу? Не знаю. Снова стучат, и мне приходится медленно двинуться по коридору, который кажется бесконечным.

— Да?

Я не открываю. Стою за дверью в ожидании ответа.

— Добрый день, я из компании «Фибренет». Нам сообщили, что в доме теперь живут. Вы не могли бы открыть?

Не знаю. У меня вдруг перехватывает горло, мне тревожно.

— Мадам? — снова окликает он.

И я открываю. Сама не знаю почему. Свет слишком яркий, слишком резкий, мне приходится на несколько секунд закрыть глаза, чтобы к нему приспособиться.

— Извините за беспокойство, я сотрудник компании «Фибренет». Мы предлагаем подключение к интернету, скорость десять мегабайт. Агент по недвижимости в соседней деревне сказал мне, что вы только что переехали сюда.

Пятна перед глазами тают, и я вижу этого человека. Мой первый посетитель с тех пор, как я здесь заперлась. Маленький, коренастый.

— Могу я на несколько минут войти, чтобы рассказать о нашем предложении?

Его машина во дворе — белый фургон, на котором красным написано название компании. Проследив за моим взглядом, он прибавляет с легкой улыбкой:

— Это не мошенничество, мадам, вот машина моей компании. Я подключил к интернету ваших соседей, которые живут на восемьсот метров ниже. Они вам подтвердят. И даже скажут, что они довольны, связь неплохая... Я имею в виду — для этого места.

Говорит, а сам тем временем ставит ногу на крыльцо. Думает, я не замечу. Кладет руку на дверной косяк, готовится войти, но я качаю головой.

— Нет, меня это не интересует.

Он некоторое время разглядывает меня насупившись. Не знаю, что он видит перед собой. Наверное, слишком бледную молодую женщину с невымытыми светлыми волосами, в одежде, которая на ней болтается. Я не думала, что можно потерять столько килограммов за двадцать два дня.

— У вас, может быть, есть мобильный интернет. — Он делает еще одну попытку. — Мы предлагаем пакет, включающий мобильную связь и модем.

— Нет, мне этого не надо.

Он смотрит на крышу.

— У вас нет телевизионной антенны?

Похоже, он удивлен.

— Нет.

— Если вы не подключитесь к интернету, вы не сможете смотреть телевизор.

Он начинает меня раздражать — и он, и солнце, которое он впустил в мой дом.

— Мне все равно. Это не имеет значения.

Его нога отступает, опускается на гравий дорожки. Он понял, что проиграл.

— Все же вам надо знать, что делается в мире!

Пристально, не мигая, смотрю на него.

— В каком мире?

На этот раз он сдается. Кивает мне, возвращается в свой фургон и уезжает без лишних слов.

Позже, когда это четвертое солнце заходит, когда холод медленной волной заполняет дом, мое ухо снова различает звук, второй раз за день. Но этот — более далекий, более приглушенный. Взорвалась петарда. И тут же, через каждые несколько секунд, отчетливо слышатся другие взрывы. Я боюсь догадываться. Сажу, застыв над своей миской, в которой плавают лапша быстрого приготовления. Я могла бы подойти к окну, посмотреть в щель между планками ставней и своими глазами убедиться в том, что я предчувствую. Но мое тело остается неподвижным. Лучше я буду считать дни. Четыре солнца. Двадцать два дня после 21 июня. Сегодня 13 июля. Ниже, в деревне, а может, и дальше, в соседних деревнях люди

отмечают национальный праздник. Собрались семьями в садах, на обочинах дорог, у мэрии. Задрали головы к небу и любуются разноцветными вспышками. Сегодня 13 июля. Мне исполнилось тридцать лет. Еще недавно, совсем недавно, мне было двадцать девять. Мы с Бенжаменом жили вместе четыре года и уже подумывали обзавестись домом, из маленькой квартирki в пригороде Лиона перебраться в деревню. Но главное — я была на восьмом месяце беременности. Я готовилась стать матерью. Ее должны были звать Манон.

Я за несколько дней решилась уехать куда-нибудь в глушь. Мне необходимо было сбежать от лета. Мне необходим был покой, чтобы думать. Думать о них. Там это было невозможно. В больнице меня ни на минуту не оставляли одну. Они ни разу этого не сказали, но я догадалась. Они боялись, что я вскрою себе вены. Психолог старался меня разговорить, но почти ничего не добился. Я была в шоковом состоянии и не могла осознать, что мой мир разбился вдребезги. На самом деле. Из больницы Анна привезла меня к ним, в гостевую комнату, ту, которую занимал Бенжамен, когда еще жил с ними. Я не спорила, у меня не было на это сил. У них часто ночевал Янн, брат Бенжамена. Иногда с Кассандрой, иногда без нее. Анна настаивала на том, чтобы мы садились за стол все вместе, даже если никому из нас не хотелось разговаривать. Надо поддерживать друг друга, говорила она. Нас было четверо, и мне казалось, что у них тесно... И потом, дом был слишком светлым. В саду у соседей дети вопили, стреляли из водяных пистолетов. Иногда

в столовую просачивался запах жареного мяса, а следом за ним — смех, стук приборов, звон бокалов. Анна притворялась, будто ничего не слышит и ничего не чувствует. А я не могла всего этого выносить.

А потом моя мать прилетела со своего острова. Реюньон. Именно там она решила поселиться, когда я доросла до того, чтобы стать независимой и жить одной. Похоже, она всегда об этом мечтала. Так что она появилась в доме Анны и Ришара через десять дней после похорон.

— Мне очень жаль, но это был первый рейс, которым я смогла вылететь.

Я не поняла, почему Анна предложила ей остановиться у них. Наверное, вообразила, что мне в это трудное время необходима мамина поддержка. Она ошибалась. Я так и не простила матери того, как она прохаживалась насчет Бенжамена.

«Ленивый хиппарь».

Я не простила ей того, что она отстранилась от меня на все время моей беременности. Думаю, я много чего так никогда ей и не простила, и ее отсутствие на похоронах окончательно закрепило мою обиду.

«Я помогу тебе восстановиться, дорогая моя».

Не знаю, как я вытерпела первые два дня. Наверное, все еще не пришла в себя. А на третий день, когда она посоветовала мне не затягивать с возвращением на работу, чтобы «взять себя в руки и не распускаться», я попросила ее уехать. А когда она возмутилась, Анна

меня поддержала. Вечно буду благодарна ей за то, что избавила меня от этого. Назавтра мама отбыла обратно на свой остров, а я стала смотреть объявления в интернете. Ключевыми словами были «снять дом в сельской местности». Овернь оказалась среди первых результатов поиска. Я недолго раздумывала. Мне надо было срочно уехать. Я откликнулась на первое же предложение посмотреть дом, собрала чемодан и рванула сюда.

У Бенжамена не было ничего общего с ленивым хиппарем, какого представляла себе моя мать. Конечно, в его темных волосах оставались следы от дредов, с которыми он ходил в юности, они делали его особенным, и мне это нравилось. Мы познакомились в Доме молодежи и культуры в самом центре Лиона, он там работал. Бенжамен носил широкие джинсы и серьгу в ухе и легко сходился с людьми. Его не напрягало общение, неважно с кем. Он не был ни самодовольным, ни слишком болтливым — меня бы это оттолкнуло. Он просто был свободным, раскованным, естественным. И доброжелательным. Он работал воспитателем. Подростки называли его Бенджи. Он был — и навсегда остался — полной моей противоположностью. Высокий, темноволосый — а я маленькая блондинка. Приветливый и открытый — а я сдержанная и недоверчивая. Я работала в мэрии восьмого округа Лиона, и мы планировали устроить благотворительный ужин совместно с различными организациями: объединением прибрежных жителей, клубом пенсионеров, молодежью из Дома культуры. Вот я и договорилась о встрече

с директором ДМК восьмого округа, чтобы рассказать о нашем проекте, а тот назначил своим представителем Бенжамена. Я никогда не бывала в таких учреждениях, и в тот день он сделал все, чтобы мне там понравилось. Он улыбался, предлагал мне кофе, от которого я три раза отказывалась, и пригласил после нашей встречи на музыкальную репетицию своих подопечных в соседней комнате. Он вовсе не пытался меня клеить, просто хотел, чтобы я — маленькая нервная блондинка в строгом костюме — немного расслабилась. Но я держала оборону, не отступала от проекта благотворительного ужина, а в ответ на его улыбки смущенно растягивала губы. Я не привыкла общаться с такими типами, как Бенжамен. Я была настороже. Он попросту не принадлежал к моему окружению.

Только после целого месяца посвященных этому проекту встреч ему удалось растопить лед, и между нами установились дружеские отношения. Вечером во время благотворительного ужина, среди запахов вареных овощей и под звуки рок-н-ролла шестидесятых из динамиков, ему каким-то чудом удалось увести меня за главный шатер. Мы пили пиво. Обстановка была праздничная. Когда он попытался меня поцеловать, я не сопротивлялась. В тот вечер я нашла свою половину, которой мне не доставало.

Несколько лет назад, в прежней своей жизни, я прочитала статью, в которой говорилось, что со временем люди перестали соблюдать траур и последствия этого оказались пагубными для них. Раньше траур длился

неделями, а то и месяцами. Женщины одевались в черное, чтобы выразить свое горе, закрывали лицо длинной черной вуалью, и были запрещены любые украшения, за исключением сделанных из темного дерева. Мужчины прикрепляли к шляпе черную ленту или носили на рукаве черную повязку. Все развлечения отменялись, люди собирались семьей. Было время для того, чтобы врачевать свою боль, вспоминать, проститься как следует. А сегодня сразу после похорон должна возобновляться повседневная жизнь: работа, оплата счетов... У общества больше нет времени на траур.

Я с этим не справляюсь. Потому и уединилась в Оверни. Мне требуется время.

Мама потом много раз пыталась со мной связаться. Ее сообщения оставались на автоответчике, и я знала, что не стану их слушать. Должно быть, она хочет узнать, как у меня обстоят дела с возвращением на работу. Больше ей незачем мне звонить. В мэрии мне предложили уйти в отпуск за свой счет еще до того, как я успела об этом подумать. Наверное, испугались, что буду без конца брать больничные. Похоже, такое часто случается. Я согласилась уйти в отпуск без оплаты. Мне пока не нужны деньги.

Из-за бессонницы я едва держусь на ногах и почти все время лежу в спальне, закутавшись в одеяла. Смотрю в потолок. Глаза жжет. Мне необходимо поспать и чтобы кошмары оставили меня в покое. Я вижу на потолке

пятно сырости. Наверное, где-то на чердаке протекает. Я даю пятну разрастись, заполнить все мое поле зрения, сделаться расплывчатым. И незаметно для себя засыпаю.

Просыпаюсь с приятным ощущением. Я чувствую, что проспала глубоким сном больше трех часов. Может быть, четыре. Не имею ни малейшего понятия: ходики я разбила, а мобильник из сумки не вытаскиваю. Сбрасываю плед на кровать и иду по коридору в дальнюю комнату, в столовую. Там, пригнувшись, выглядываю в щелочку между ставнями. Темно. Уже ночь. Больше того — я понимаю, что идет дождь и что небо затянуто тучами. Ни одной звезды не видно. Я в нерешительности замираю перед закрытыми створками. Это глупо... На минутку-другую, не дольше. Я выхожу под дождь в пижаме, которую не снимала несколько солнц. Может, семь. У меня уже нет ни малейшего представления об этом.

Моросящий дождик лишь слегка осыпает мне волосы, он слишком слаб для того, чтобы промочить пижаму. Пахнет землей, как всегда во время дождя. Сильный запах перегноя. Я осторожно ступаю по скользкой траве. И невольно думаю про Бенжамена там, внизу. Защищает ли его гроб из светлого дерева? Гроб выбирала Анна. Я была в больнице. Той ночью, 21 июня, мне поспешно разрезали живот, шрам получился страшный. Врачи опасались заражения. Меня ненадолго выпустили на похороны, запретив стоять. Гроб был красивый, сливочного цвета, лакированный.

Для *нее* мне выбирать не пришлось. Она вроде бы не вполне сформировалась. А мне она казалась настоящим, совершенно живым младенцем, который мог бы плакать и сосать грудь. Но она не дышала. Ее сердце слишком долго не билось. Мне объяснили, что мертворожденный плод всегда кремируют. Ее кремировали в тот же день, но прах отнесли в сад памяти лишь через три дня, тогда же, когда тело Бенжамена положили в гроб. Ей-то по крайней мере дождь не страшен, мне не о чем беспокоиться.

Толком не знаю, куда иду, но иду. Глухая ночь, ни луны, ни звезд, я не вижу очертаний дома. В темноте угадываются разве что еловые леса вокруг. И я сосредоточиваюсь на запахах. Земля, дождь, смола и хвоя. Запахи природы никогда не были для меня привычными. Не то что для Бенжамена. Он вырос в горах Юра́. Его родители переселились в пригород Лиона, когда ему было восемнадцать. И у него навсегда сохранилась любовь к природе, к простору. Узнав, что я беременна, он и слышать не хотел о том, чтобы остаться в городе. Он собирался самое большее через год после рождения ребенка бросить работу и перебраться в деревню. Куда? Мы так и не решили. Он смотрел объявления, показывал мне фотографии. Меня все это нисколько не привлекало, восторг я изображала очень плохо, но он не сдавался. «Увидишь, когда мы окажемся там...» Я думала, что, может, он и прав. Мне предстояло многое открыть — я росла в самом центре Лиона и парк «Тет д'Ор» считала чуть ли не заповедником.

Моя мать всегда была человеком совершенно городским. Во всяком случае до пятидесяти лет. В городе она могла постоянно заводить новых подруг, выпивать с ними по вечерам, она вела активную жизнь вне работы, а вот мужа и настоящей семьи у нее никогда не было. Потом я поступила в университет, стала большую часть времени проводить в кампусе, а она сочла, что теперь я могу справиться одна, и решила исполнить свою давнюю мечту: уехать жить на острова. Я могла справиться одна. Но мне не так уж этого хотелось. Я не торопилась.

Но и независимо от матери я всегда любила город, его постоянную суету, ощущение, что там никогда не остаешься одна, тебя всегда окружают люди, ты все время в движении.

Однако сегодня вечером я иду под дождем в далекой овернской деревне, среди еловых лесов. Наверное, Бенжамен выбрал бы для нас не такой дом, как этот, но я уверена, что окрестный пейзаж ему бы понравился. Здесь, среди запахов смолы и влажной земли, я как будто бы отчасти выполнила его план.

Я круглосуточно навожу в доме порядок. Не сказать, что он зарос грязью, и не разбросано здесь ничего, но мне необходимо чем-то себя занимать. Из-за бессонницы время тянется бесконечно. Надо его заполнять, без этого я постоянно возвращаюсь мыслями в тот вечер 21 июня, к безжизненному телу Бенжамена, к окровавленному зародышу. Я так боюсь этих картин, что довожу себя

до полного изнеможения, чтобы уже ни о чем не думать. Надраиваю столешницу до тех пор, пока не сотрется губка, расставляю консервные банки по алфавиту. Анчоусы. Брокколи. Говядина с помидорами. Кабачки со сливками. Паэлья. Рататуй. Чили. Шпинат. С каждым днем их остается все меньше, но я еще не готова выйти наружу.

Я тщательно стираю пыль с ламп под темными абажурами, пристально изучаю каждую полку. Здесь древняя местная газета. Там пожелтевший справочник и магнетик на холодильник с экстренными номерами. В шкафу в гостиной — две книги Эмиля Золя и карта автомобильных дорог. Дочь мадам Юг забыла кое-какие мелочи, когда убирала. Я заталкиваю все эти не принадлежащие мне предметы в мусорный мешок, решив, что рано или поздно, когда немного наберусь сил, отнесу его на чердак.

И только в последний момент я вспоминаю про календарь трехлетней давности, который в первый день сняла со стены. Он так и лежит на краю стола. Я уже собираюсь бросить его в большой пластиковый мешок вместе с другими свидетельствами жизни мадам Юг, но начинаю читать оставленные старушкой пометки. *Полить фасоль. Накрыть кабачки. Подмести крыльцо. Вымыть окна.* Большею частью заурядные, но есть и более интересные: *Больше пить* или в форме вопроса — *Бигуди?*

Календарь не отправляется в черный мусорный пакет. Он остается со мной, в кухне. Только потому, что мне нравится разбирать этот округлый почерк.

Покидая дом Ришара и Анны, я пообещала им не делать глупостей и часто звонить. Второго обещания я не выполнила. Я не замечала, что мой мобильник молчит уже несколько солнц. Разрядился.

— Анна, это я.

Странно, как иногда можно улавливать эмоции, вслушиваясь в молчание. Анна в трубке, как мне показалось, молчала с облегчением. С громадным облегчением.

— Аманда, я волновалась.

— Телефон разрядился.

Снова молчание. Думаю, Анна подбирает слова, не знает, с чего начать.

— Мы окончательно уладили всё с нотариусом. Бумаги придут к тебе туда. Я дала ему твой адрес. Я... я не знала, могу ли я...

— Да. Все прекрасно. Так будет проще.

— Заглядывай в почтовый ящик.

— Хорошо.

Анна молчит. Проходит несколько секунд. У меня такое впечатление, что она ждет, пока я что-нибудь скажу, но мне даже в голову не приходит спросить, как там с квартирой. Она сама об этом заговаривает.

— Ришар с Янном все оттуда увезли.

— Ага.

— Они были там в эти выходные. Я хотела пойти с ними, а потом...

Я сглатываю. Ей незачем продолжать, я и без того все поняла.

— Он нашел пару, которой можно ее пересдать, — торопится прибавить она. — С сентября. Тебя это устраивает?

— Конечно.

— Они сложили все вещи у нас в подвале. Я велела все упаковать в пластик, чтобы не отсырело. Сможешь потом забрать.

Я не отвечаю. Не знаю, что сказать.

— Аманда, я хотела с тобой посоветоваться насчет вещей из желтой комнаты...

На этот раз у меня перехватывает дыхание. Я едва слышу голос Анны, все еще звучащий в трубке.

— Ришар предположил, что ты захочешь продать их или отдать, но я подумала, что сначала надо поговорить с тобой. Место в подвале есть... Мы можем их там держать. Имей в виду, что это нас не затруднит.

Я не могу решиться. Стою в кухне в старой пижаме, от которой уже начинает попахивать. Открываю рот и снова закрываю. Не знаю.

— Аманда?

— Да.

— Дать тебе время подумать?

— Да.

Я невидящим взглядом уставилась в окно. Жду, чтобы утихло внезапное сердцебиение, от которого ломит виски и тошнит.

— Аманда?

— Да.

Эти «да» слетают с моих губ сами собой, как дыхание, автоматически, я толком их не осознаю и толком не слушаю Анну.

— Прошло уже три недели...

— Три недели?

— С тех пор, как ты туда уехала. Ты уверена, что...

Она мнется. Не хочет меня задеть. Она понятия не имеет, в каком я сейчас состоянии, как справляюсь.

— Тебе не хотелось бы ненадолго вернуться?

Тон моего ответа никаких сомнений не оставляет.

— Не сейчас.

— Хорошо. Но если...

— Я знаю, Анна. Спасибо.

Я испытываю облегчение от того, что она не спрашивает: «Ты спишь? Ты ешь?» Мне, наверное, пришлось бы ей соврать.

Сделать комнату желтой придумала я. Хотелось обойтись без традиционного розового или голубого. Мы ничем не отличались от других. Бенжамен мечтал о девочке, я о мальчике. И все же, когда нам сообщили пол ребенка, я обрадовалась не меньше, чем он. Ему хотелось уехать из города, чтобы дочка росла в буколической обстановке. Мне хотелось, чтобы мы поженились, чтобы я могла носить ту же фамилию, что они, чтобы у нас была настоящая семья. Мы наскоро расписались в мэрии. Там были только мы и Янн с Кассандрой, наши свидетели. У меня уже начал расти живот.

Я покрасила стены комнаты в желтый цвет, Бенжамен собрал кровать с решетками и пеленальный столик. Красивая белая деревянная мебель. Я приклеила над кроватью стикер с птенчиком, выбирающимся из яйца. Мы купили постельное белье и костюмчики, яркие боди и пижамки.

Мы назвали бы ее Манон. Манон Люзен. Мы были уверены, что у нее будет светлый пушок на головке и светлоглазие, как у Бенжамена, глаза. Она должна была родиться 20 августа. Она умерла 22 июня в 5 часов 58 минут.

О Бенжамене всегда кто-то будет помнить. Будет говорить о его щедрости, его альтруизме, его любви к своей работе, к подросткам, к Дому молодежи и культуры, к семье. В памяти останутся его улыбка, его спутанные темные волосы, серьга в ухе, над которой все смеялись.

С ней все по-другому. Для них ее никогда не существовало. Они никогда ее не видели, не ощущали, не прикасались к ней. Она должна была быть, но ее не было. Все очень просто. Только я одна знаю, что это неправда. Только я одна знаю, что она существовала, существовала на самом деле за пределами тех нескольких секунд, когда ее мертворожденное тело выдернули из меня в больнице. Бенжамен тоже знал бы это. До своего физического появления она существовала в наших мыслях, в наших сердцах. Но Бенжамена больше нет, и теперь некому помнить о ней, кроме меня.

Не думаю, что захочу избавиться от вещей из желтой комнаты. Не теперь.

Мне придется выбраться из моего логова. Все консервы закончились. Остатков риса в последнем пакете едва хватит на полдня. Я ем мало, но все же ем, без этого у меня не было бы сил встать с кровати. Бессонница разрушает все. Я думала, что, совсем измучившись, в конце концов упаду и засну. Я ошибалась. Где-то в моей голове что-то застопорилось, что-то мешает мне долго спать. Повышенная бдительность. Инстинкт самосохранения?

И все же сегодня утром мне надо, собрав последние силы, умыться, одеться и дойти до машины.

Я все очень подробно спланировала. Я знаю, что до ближайшего супермаркета двенадцать километров. Я составила точный список покупок, чтобы провести как можно меньше времени под агрессивным освещением, среди всех этих людей. Время вылазки тоже выбрано не случайно: в это время в магазинах меньше всего покупателей, а на дорогах — машин. Я хочу как можно скорее вернуться в свою тьму.

Час и две минуты — столько времени требуется на то, чтобы отделаться от этой повинности. О моей первой за много солнц вылазке рассказать нечего. Разве что на дороге встретился мотоцикл, но я думала о другом, и меня это не потрясло. В кухне, надежно укрывшись от остального мира, я разбираю покупки. По сроку годности. Это правильнее, чем по алфавиту, а главное — для этого требуется больше времени и большая сосредоточенность. Я не могу думать.

Убрав последнюю упаковку нарезанного хлеба, я падаю в постель. Мне кажется, что я наконец посплю. Я закрываю глаза, ровно укладываю руки по обе стороны тела, жду, пока затылок отяжелеет. Я спокойна и не сомневаюсь, что на этот раз провалюсь в сон. И вот тогда в мою голову пробирается воспоминание о недавно встретившемся мотоцикле. Спортивный мотоцикл, как у Бенжамена, только черный с зеленым. А у него был черный, весь черный.

В отличие от жен его друзей-мотоциклистов я никогда не волновалась, когда он куда-то ехал. Не то чтобы я по природе своей была оптимисткой, уверенной, что с Бенжаменом-то ничего не случится, просто он ездил осторожно. Конечно, он любил скорость, ему нравилось ощущать, как мотор вибрирует под его телом, нравилось пригибаться на крутых поворотах, но он понимал, что повсюду таится опасность, и я знала, что он действует разумно. Я никогда не боялась садиться позади него — это я-то, трусиха, каких поискать.